

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Материалы
X Международной научной конференции
9–13 сентября 2019 года, Москва, Россия

Ответственный редактор
д.ф.и. Е. Л. Колявская

Москва
2019

УДК [902+94+82+81]”08/16”(082)
ББК 94:[63.3+63.4+80/84](2)4

При финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-09-20003)

Утверждено к печати Ученым советом Института российской истории РАН

Редколлегия сборника: д.и.н., чл.-корр. РАН П. Г. Гайдуков, д.ф.н. М. Гардзанити, д.ф.н., чл.-корр. РАН А. А. Гиппиус, д.иск. В. В. Игошев, д.ф.н. А. М. Камчатнов, д.ф.н. В. М. Кириллин, д.ф.н. Е. Л. Конявская (отв. ред.), к.иск. И. А. Кочетков, д.и.н. О. Ф. Кудрявцев, д.и.н. П. В. Лукин, д.филос.н. В. В. Мильков, д.и.н. А. В. Назаренко, д.и.н., проф. РАН П. С. Стефанович, к.филос.н. игумен Тихон (Полянский), к.и.н. А. А. Турилов, д.и.н., чл.-корр. РАН Б. Н. Флоря, к.ф.н. М. С. Фомина, д.и.н. С. Э. Чернов, д.и.н. Л. Штайндорф, д.ф.н. Е. М. Юхименко

Рецензенты: д.и.н. А. А. Горский,
к.и.н. С. М. Шамин

Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной научной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М.: Индрик, 2019. — 246 с.

ISBN 978-5-91674-554-2

В сборнике представлены материалы X Международной научной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси». Работы демонстрируют методику и результаты комплексного подхода в исследовании Древней Руси. Среди авторов историки, археологи, историки церкви, историки литературы и языка, фольклористы, искусствоведы — все те, чьей сферой научных интересов являются историко-культурные феномены Руси с IX по XVII столетие.

щдрѣ свои, да слышити ма Ядамъ, и шеновитьса нына с тобою ѿ истьлѣныа, в товѣ во перваго преступленъа Ювжину клятвѣ исцѣлаа. (КТур (С.) XII сп. XIV в.)⁶. По всей видимости, составители Словаря русского языка XI–XVII в. исходят из того, что глагол *клатиса* дублирует семантику предыдущего глагола — *гнушатис*. Однако для слова *клатиса* значение ‘гнушаться, брезговать’ не является характерным. Поэтому более точным следует признать определение, предложенное в Словаре древнерусского языка XI–XIV в., — ‘проклинать, осуждать’. При этом остается непонятным, почему здесь представлена форма *кленѣтса*, а не более ожидаемая в данном случае — *кленѣтъ*.

Подобное употребление глагола *клатиса* встречаем и в цитате из 101-го псалма (Пс 101: 9) в составе Великих Миней Четиих: *И еже: «Вса дни поношахъ ми врази мои, и хвалащеи ма мною кленхъса»* (ВМЧ, Дек. 24, 1984) (Картотека древнерусского словаря). Данная цитата является фрагментом «молитвы страждущего, когда он унывает и изливает перед Господом печаль свою» (Пс 101: 1), которая символизирует состояние еврейского народа во время Вавилонского плена. Как мы видим, в Великих Миней Четиих, так же как и в «Слове о расслабленном», представлено словосочетание *клатиса мною*. А. П. Лопухин комментирует этот фрагмент следующим образом: «Трагическая судьба еврейского народа сделала последнего предметом клятвы для других. Когда кому-либо желают высказать зложелания, то ничего не находят более выразительного, как сказать “пусть будет с тобою, как совершилось с евреями”» [Лопухин, с. 330].

На наш взгляд, проклятия, представленные в «Слове о расслабленном» и в 101-м псалме, иллюстрируют в рамках классификации Кристофера Фараона, приводимой Б. Кентом в статье «Проклятия в Деяниях: слушая Апостольские осуждающие речи в сопоставлении с текстами магических заклинаний»⁷, третий тип проклятий, а именно: аналогии с чем-либо, часто с использованием особых фигурок. «Предполагалось, что жертва должна принять атрибуты этого объекта. Например, “Как холоден этот предмет, пусть X станет таким же холодным”» [Kent, p. 418]. Однако в данном случае аналогия проводится не с каким-либо предметом, а с человеком, чье положение вызывает отторжение, страх, чувство брезгливости. Так, для окружающих очевидно, что болезнь расслабленного и страдания нищего, символизирующего еврейский народ, являются карой Господней (Божьим проклятием), поэтому люди, с одной стороны, опасаются и избегают их, а с другой — используют их образ в своих клятвах как наказание, которое грозит обрушиться на них при невыполнении обещанного такого же рода болезнью и отвержением других людей. Окружающие при клятве буквально проклинают себя образами расслабленного и страждущего, что свидетельствует об актуализации в данных фрагментах исходного смысла глагола *клати(са)*.

Таким образом, на основе проанализированного материала мы приходим к выводу, что в указанных фрагментах представлено «проклятие по аналогии», которое сопровождается актуализацией внутренней формы глагола *клати(са)*, в связи с чем его значение должно быть уточнено: ‘клясться, используя в качестве меры воздействия, наказания образ проклятого’.

Литература

- Лопухин А. П. Толковая Библия: в 12 т. СПб., 1912. Т. 4.
Толстая С. М. Из лексики древнего славянского права: *kletva, *rota, *prisega, *vera // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Екатеринбург, 2015. С. 274–276.
Kent B. H. M. Curses in Acts: Hearing the Apostles' Words of Judgment Alongside 'Magical' Spell Texts // Journal for the Study of the New Testament. 2017. Vol. 39 (4). P. 412–440.

⁶ Сухомлинов М. Рукописи графа А. С. Уварова. СПб., 1858. Т. II. С. 40.

⁷ Здесь и далее перевод с английского выполнен нами.

О. В. Панченко (ИРЛИ РАН)

ЖИТИЕ МИТРОПОЛИТА ФИЛИППА В СОСТАВЕ СОЛОВЕЦКОГО ПАТЕРИКА И В РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ XVII–XIX В.¹

Занимаясь исследованием житий соловецких святых, входящих в состав Соловецкого патерика (РНБ. Соф. № 452), мы пришли к выводу, что текст Жития митрополита Филиппа в этом сборнике относится к особой редакции, не выделенной ранее исследователями. Как показало дальнейшее ее изучение,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00845 «Памятники поздней соловецкой агиографии (XVII–XIX вв.): текстологическое исследование».

она была создана на Соловках около 1635 г. специально для *второго* «соловецкого житийника», включавшего службы и жития митрополита Филиппа и Германа Соловецкого. Создателем ее, как нам удалось установить, был соловецкий уставщик Никодим (также известный в древнерусской книжности как Никодим Типикарис). Взяв за основу текст Тулуповской редакции Жития, он существенно его выправил и распространил отдельные сюжетные мотивы, создав таким образом его новую стилистическую редакцию.

Это неожиданное открытие неизвестного ранее этапа в литературной истории Жития побудило нас провести новое исследование взаимоотношений его редакций, результаты которого существенно отличаются от выводов, представленных в монографии И. А. Лобаковой [Лобакова, с. 144–146]. Само исследование будет опубликовано в 67-м томе ТОДРЛ, здесь же приведем лишь наиболее значимые его результаты.

Главный из них относится к установлению текста первоначальной редакции Жития, который, как показывает проведенный нами текстологический анализ, представлен в Тулуповской редакции. Мнение И. А. Лобаковой о близости к архетипу текста Краткой редакции следует признать ошибочным [Лобакова, с. 40, 144]. По сути Краткая редакция является лишь простым сокращением Тулуповской. Отсутствие в ней обширных поучений митрополита Филиппа царю (заимствованных из «Поучения Агапита») вовсе не говорит о первичности ее текста. О том, что в протографе Краткой редакции эти поучения все же читались, свидетельствуют многочисленные текстологические «швы», сохранившиеся в ее тексте. Сокращая текст своего источника, составитель Краткой редакции последовательно замещал в ней каждый из монологов митрополита Филиппа фразой о том, что в этом месте святой произнес поучение «от Божественного Писания». Например: «Святой же Филипъ... просвѣтися душою и укрѣпися сердцемъ, начать царю глаголати многая от Божественнаго Писания»; «И посемъ многая словеса от Божественнаго Писания изрече»; «И паки многая предлагаше от Божественнаго Писания»; «И ина многа изрекъ». Эти и подобные фразы-«заместители» встречаются в Краткой редакции множество раз, маркируя все те места, где в ее протографе читались поучения св. Филиппа.

Протографом же Краткой редакции, как показывает сопоставление разночтений, послужил текст Румянцевского списка Тулуповской редакции (РГБ. Ф. 256. № 361), который сам по себе является поздним компилятивным списком, созданным в конце 1630-х годов. Переписчик его сверял текст Тулуповской редакции с Никодимовской (ок. 1635 г.), заимствуя из нее отдельные чтения.

Точнее время создания Краткой редакции может быть отнесено к эпохе после перенесения мощей святителя Филиппа в Преображенский собор (в 1646 г.), поскольку о месте их первоначального погребения в монастыре (в подклете собора) в ней сказано как о давно прошедшем событии: «...ту бѣ и мощи его положены, егда от заточения принесены». В то же время в более ранней Тулуповской редакции (начала XVII в.) о том же месте погребения мощей святителя сказано еще в настоящем времени: «... идѣже нынѣ лежат честныя его мощи, от заточения принесены».

Несомненно вторичным является текст и другой редакции Жития — Кольчевской (вопреки мнению Г. Г. Латышевой, считавшей ее первичной [Латышева, с. 31]). Одним из основных доказательств ее вторичности по отношению к Тулуповской является то, что в Кольчевской был увеличен сонм соловецких святых: к «двоице» Зосимы и Савватия было добавлено имя Германа. Это могло произойти не ранее 1627 г., когда в Соловецком монастыре были обретыны мощи «блаженного старца» Германа, после чего его также стали именовать «преподобным». Таким образом, время создания Кольчевской редакции относится к периоду после 1627 г.

Итак, первоначальной является Тулуповская редакция Жития. Напомним, что такое же мнение высказывали ранее В. О. Ключевский [Ключевский, с. 312], Р. Г. Скрынников [Скрынников, с. 279] и В. А. Колобков [Колобков, с. 77–89]. Но приведенные ими аргументы были все же недостаточными.

Главная сложность в решении основной текстологической задачи нашими предшественниками была связана с неразличением ими текстов двух близких редакций: Тулуповской и Никодимовской (последняя лишь недавно была выделена нами). Вместо Тулуповской они ошибочно привлекали для сопоставления текст Никодимовской редакции, что существенно затрудняло анализ разночтений. Более того, в монографиях И. А. Лобаковой и В. А. Колобкова под именем «Тулуповской» был опубликован текст именно Никодимовской редакции, а текст Тулуповской приведен лишь в разночтениях. Чтобы избежать дальнейшей путаницы, нами подготовлена новая публикация текстов обеих редакций по спискам, соответствующим их названиям: Тулуповской — по списку Германа Тулупова (РГБ. Ф. 304/1. № 694) и Никодимовской — по списку четвѣй минеи Никодима Типикариса (РНБ. Сол. № 815/925).

В заключение скажем несколько слов и о предполагаемом авторе Жития. Как нам представляется, имя его сохранилось в древнейшем списке Тулуповской редакции (РНБ. Сол. № 971/1081), который

был создан, судя по филиграммам, в начале XVII в. Внизу его заглавного листа читается фраза, написанная тайнописью: «Spisano inokom Warfolomieem gъjtelipondo (?)». И хотя расшифровать последнее слово нам не удалось, имя автора Жития читается в ней совершенно ясно: «Списано иноком Варфоломѣем...». (Напомним, что подобным образом — на нижнем поле заглавного листа — указывалось и имя автора Жития Зосимы и Савватия в ранних его списках: «Списано бысть Спиридоном, митрополитом Киевским».)

О том, что здесь речь идет именно об авторе, говорит древность этого списка (близкого ко времени создания самого Жития), а также то, что текст его выполнен тремя почерками, что позволяет сразу отвергнуть версию, будто указанная запись может иметь отношение к писцу этой рукописи.

Кем же был этот иннок Варфоломей, названный в древнейшем списке Жития «списателем» (то есть сочинителем) этого произведения? Согласно составленной мной картотеке книжников Соловецкого монастыря, им, вероятнее всего, был иннок Варфоломей Коноплев, который в 10-е годы XVII в. был ближайшим сподвижником другого соловецкого книжника — соборного старца Иоасафа, ставшего впоследствии Московским патриархом (1634—1640). В 1636 г., уже в патриаршество самого Иоасафа, Варфоломей Коноплев был произведен в игумены Соловецкого монастыря. В том же году по благословению патриарха была издана Служба митрополиту Филиппу, что по сути свидетельствовало об официальном прославлении святого.

Таким образом, в патриаршество Иоасафа и в игуменство Варфоломея Коноплева состоялось прославление опального святителя, чему, по-видимому, каждый из них немало способствовал. В том случае, если автором Жития митрополита Филиппа действительно был Варфоломей Коноплев, время создания этого сочинения следует относить к началу XVII в.

Литература

- Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004.
Латышева Г. Г. Публицистический источник по истории опричнины: (К вопросу о датировании) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974. С. 30—62.
Лобакова И. А. Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006.
Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси XIV—XVI вв.: Подвижники Русской Церкви. Новосибирск, 1991.

А. Д. Паскаль (РГБ)

ОБ ОШИБОЧНОЙ АТРИБУЦИИ МИНЕИ СЛУЖЕБНОЙ, НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ, ОИДР 337 КАК ПАМЯТНИКА ЭПОХИ СТЕФАНА ВЕЛИКОГО

Рукописный список Минеи служебной, ноябрь – декабрь, с датировкой ее XV в. из бывшего собрания Общества истории и древностей российских (РГБ. Ф. 205. № 337) стал известен исследователям из каталога Е. И. Соколова, опубликовавшего также впервые тексты рукописной пометы безымянного монаха на л. 187 о пожаре 1536 г. в молдавском монастыре Путна и о реставрации кодекса в 1722 г. игуменом Михаилом [Библиотека, с. 22—36].

Эти данные использовал в 1960 г. Эмиль Турдеану, опубликовав перевод пометы на французский язык и включив на основании датировки Е. И. Соколова данную Минею в перечень литературных памятников эпохи Стефана Великого [Turdeanu, p. 63—64]. В 1963 г. к тексту пометы обратился Александру Гонца, опубликовав работу о первой больнице в монастыре Путна, также приняв датировку Е. И. Соколова [Gonța, p. 251—252]. Составители вышедшего в 1986 г. «Предварительного списка славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР» оставили датировку Е. И. Соколова [Предварительный список, № 857, с. 116], как и Раду КонстантINESКУ в своем труде, опубликованном в том же году [Constantinescu, p. 110, № 564].

К XV в. рукопись была отнесена румынской исследовательницей в работе о рукописях из монастыря Путна [Szekely, с. 157, 165 (№ 6)], а к 70-м годам XV в. — Валентиной Пелин в составленном ею репертуаре рукописей времени Стефана Великого [Pelin, p. 315, № 70]. Датировка Е. И. Соколова вошла и в Сводный репертуар Вьрджыла Кындя [Cândea, p. 204, № 460]. Наконец, румынский славист Стефан Горovej, публикуя текст записи о пожаре по транслитерации, оставляет временем создания рукописи XV в. [Gorovej, p. 117—118].

